СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(Материалы «круглого стола»)

4 декабря 2006 г. в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации прошел «круглый стол» по теме: «Социальная напряженность в российском обществе». Организаторами обсуждения выступили Социологический центр РАГС, редакция вестника «Социология власти» и кафедра социологии РАГС.

Для участников был подготовлен материал, содержащий результаты социологического исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в ноябре 2006 г.

Открыл и вел заседание «круглого стола» директор Социологического центра, заведующий кафедрой социологии РАГС, главный редактор вестника «Социология власти», доктор философских наук, профессор В.Э. Бойков.

Для обсуждения были предложены следующие проблемы:

Каков уровень социальной напряженности в российском обществе?

Как влияют массовые представления о социальной справедливости на уровень социальной напряженности?

Каковы основные источники социальной напряженности в российском обществе?

В обсуждении приняли участие: **Дитмар Виттих** – профессор, представитель Фонда Розы Люксембург (Германия); **В.К. Левашов** – директор аналитического центра Института социально-политических исследований Российской академии наук, доктор социологических наук; В.Д. Попов – заведующий кафедрой информационной политики РАГС, доктор философских наук, профессор; **О.А. Митрошенков** – доктор философских наук, профессор; **Т.С. Сулимова** – профессор кафедры труда и социальной политики РАГС, доктор политических наук; **Е.И. Степанов** – заведующий конфликтологическим центром ИС РАН, доктор философских наук, профессор; **А.М. Бабич** – заместитель заведующего кафедры труда и социальной политики РАГС, доктор экономических наук, профессор; другие специалисты.

Бойков В.Э.

Уважаемые коллеги! У нас уже стало традицией: по результатам исследования проводить заседания «круглого стола». Тема сегодняшнего «круглого стола» – социальная напряженность в российском обществе.

Подобное исследование мы провели в 2003 г. совместно Социологическим центром и кафедрой социологии при непосредственной финансовой поддержке Московского представительства Фонда Розы Люксембург и при творческом участии профессора Дитмара Виттиха, который присутствует здесь. Дитмар Виттих – доктор философских наук, профессор, работает и живет в Берлине. От Фонда Розы Люксембург присутствуют также Кристиане Шульте, Петер Линке и Фриц Бальке.

Виттих Д., профессор, представитель Фонда Розы Люксембург

Я очень рад, что нам снова довелось успешно сотрудничать с Социологическим центром Российской академии государственной службы, с творческим коллективом во главе с профессором Бойковым. Я много лет занимаюсь исследованиями этой проблематики. Конечно, в первую очередь, это касается Германии, и для меня было просто удивительно и очень вдохновляюще принять участие в подобном проекте в России.

В отведенное время я смогу представить лишь некоторые аспекты нашего исследования. Оно включало в себя 90 индикаторов, и я сконцентрируюсь на особенностях проблем неравенства в более узком социологическом смысле.

Начну с одного очень обобщенного результата. На вопрос: «Согласны ли вы с тем, что социальные различия в нашей стране в целом и общем являются справедливыми?» – значительное большинство респондентов придерживается точки зрения, что социальные различия в вашей стране не являются справедливыми. Правда, чуть сократилось количество тех, кто решительно возражает против такой оценки. Но в целом, я думаю, изменения, произошедшие за три года в настроениях респондентов, являются, скорее, незначительными. Я исхожу из того, что, по всей видимости, такие результаты стали следствием объективного положения, в первую очередь связанного с экономической ситуацией в России.

Относительное большинство по-прежнему придерживается точки зрения, что экономическое и собственное положение является чем-то средним – частично хорошим, частично плохим. Тенденция примерно одинаковая. Правда, можно отметить, что больше ответов, характеризующих собственное экономическое положение более оптимистично, чем положение в стране.

Каково будет экономическое положение через год, чего ожидают люди? В целом можно сказать, что оптимизм возрос, примерно 30% ожидают улучшения ситуации. Примерно одна треть считает, что как положение в стране, так и общеэкономическая ситуация будут оставаться неизменной. Это означает, что если сегодня экономическое

положение в целом оценивается как плохое, то оно таким и останется. И, соответственно, доля тех, кто ожидают дальнейшего ухудшения и кто не выказался никак по данному поводу.

По вопросу социальной справедливости в исследовании имеется четыре измерения: доходы, шансы на образование, достаточное медицинское обслуживание и достаточно большие различия, которые могут действовать стимулирующе, т. е. динамический аспект.

Социальное неравенство – это такое положение вещей, которое является достаточно иррациональным. Оно всегда соотносится с различного рода сравнениями, т. е. сравнение собственного положения с положением других. Если доля тех, кто считает, что они получают справедливый доход в 2003 г. составляла одну четверть, то в этом году она возросла до 31%. Доля тех, кто считает, что они получают меньше, чем было бы справедливым, в 2003 г. составляла 60%. Эта доля сократилась до 50%. Но в любом случае это еще более половины, а доля тех, кто затруднился ответить, все еще значительно высока.

Бойков В.Э.

Я хотел бы вот что к этому добавить. Действительно, ощущение социальной несправедливости вызывает, с одной стороны, социальную напряженность. Правда, эта напряженность проявляется больше в латентной форме, а не в виде забастовок, акций массового протеста, хотя иногда мы были свидетелями и акций массового протеста в период так называемой монетизации льгот. Вот когда мы задаем вопросы: «Готовы ли вы участвовать в акциях массового протеста?», то все же (это динамика в разные периоды) от 40 до 50% опрашиваемого населения высказывают, во всяком случае, вербально, готовность участвовать в акции протеста, если будут ухудшаться условия жизни, условия труда, социального обеспечения и т. д. Это не значит, что сегодня люди выйдут на улицу, но глухое раздражение, ощущение несправедливости присутствует в массовом и индивидуальном сознании.

Еще я бы хотел обратить внимание на постоянные очаги социальной напряженности, которые вызывают у людей ощущение незащищенности, что их не защищает ни государство, ни кто другой. Возьмем преступность. На протяжении многих лет мы видим: в арифметической прогрессии росла преступность, в том смысле, что все больше и больше людей становились жертвами преступлений. По этим двум исследованиям это 22%, т. е. каждый пятый ежегодно или член его семьи были жертвами преступлений. Причем, как правило, это преступления с экономической мотивацией: грабежи, разбои, и т. д. или обман инвесторов. Преступность – это такой очаг социальной напряженности и вообще такое явление, которое составляет угрозу

национальной безопасности и вызывает очень большое напряжение в обществе.

Второе – недостаток средств на оплату элементарных социальных услуг: лекарства, медицинские и коммунальные услуги и т. д. Уже около трети населения заявляют, что они на пределе возможностей по оплате. Если жилищно-коммунальная реформа будет осуществляться такими же темпами, то возможно и социальное возмущение.

Третье – угроза межнациональных конфликтов. Обратите внимание: когда мы задаем вопрос: «Могут ли быть у вас в регионе или в вашем городе конфликты на политической основе?», то в основном указывают межнациональные конфликты. Особенно это свойственно крупным городам, столичным центрам областей и республик, а также Москве и Санкт-Петербургу.

Далее. Очень остро воспринимаются противоречия между богатыми и бедными. Эти противоречия, судя по нашим материалам, волнуют большую долю населения – до 50%. И это тоже, конечно, связано с огромным расслоением населения по доходам. Мы знаем статистику на этот счет, разницу между 10% богатых и 10% наиболее бедных – она очень велика в нашей стране. Это вообще постоянный источник конфликта.

Хотел бы обратить внимание вот еще на что. В распределениях, которые мы представили в ваше распоряжение, это простые распределения. Если же мы посмотрим эти распределения по федеральным округам, то обнаружим интересную зависимость. Прежде всего, наиболее острые противоречия, данные есть у нас на кафедре, в Центре, мы готовы базы данных предоставить. Наиболее остро это проявляется в Центральном округе, за исключением Москвы.

Я обращаю внимание на эти цифры лишь с одним пожеланием, чтобы мы не ограничились простыми распределениями, а покопались в базе данных и в этих парных распределениях. Эти материалы имеются у О.А. Ефановой, она может их вам отправить по электронной почте.

Левашов В.К., директор аналитического центра Института социально-политических исследований РАН, доктор социологических наук

Я хочу поздравить коллектив исследователей с полученными результатами. Первый замер произведен в 2003 г. Это половина срока новой команды, которая пришла для реализации либеральных реформ, и сейчас 2006 г. Это, по сути дела, уже завершающий, контрольный что ли срок. Поэтому чрезвычайно интересно посмотреть динамику.

В этой связи я хотел бы сказать несколько слов о наших замерах, о мониторинге «Как живешь, Россия?», который наш институт также проводит приблизительно по тем же индикаторам, о которые сегодня идет речь. Мы сделали акцент на социальную справедливость.

На наш взгляд, резкое изменение динамики в позитивную сторону произошло как раз в период с 2000 по 2003 гг. Тогда общество ощутило те изменения, которые были совершены в различных сферах, в первую очередь, в сфере социальных отношений.

Во второй половине – с 2003 по 2006 гг. – динамика изменений замедлилась. Если говорить о ракурсе вашего исследования, то оно называется «Источники и очаги социальной напряженности в российском обществе». Их необходимо рассматривать, естественно, как результат социальных противоречий. Особенность всех реформ, всех изменений, которые происходят в российском обществе, заключается в том, что социальная структура была взорвана в начале 90-х гг. С этого времени фундаментально изменились отношения между отдельными частями социальной структуры общества и изменился ее состав.

На мой взгляд, чрезвычайно интересно посмотреть три очага, три ареала социальной напряженности, которые, на наш взгляд, сохранились и которые продолжают работать.

Это – сфера экономических отношений. Владимир Эрихович сказал о том, что по индикатору тревожности наибольшее число голосов набрала дороговизна жизни. Наше исследование показало то же самое. По-прежнему граждане России в первую очередь озабочены материальным положением, тем, что в обществе растет стоимость жизни, и этот градус не снижается.

Если пойти в глубь системы экономических отношений, то мы увидим, что в центре находятся проблемы результатов приватизации. Несмотря на то, что несколько раз на самом высоком политическом уровне на эту проблему обращали внимание и даже были предприняты попытки каких-то концептуальных разъяснений, на наш взгляд, изменения общественного сознания и массового сознания в этой сфере не произошло. Общество по-прежнему считает, что результаты приватизации несправедливы по отношению к ныне живущим. Здесь, наверное, дело за государством, за командой реформаторов, которые стоят в настоящее время у руля. Необходимо внести какое-то корректирующее, позитивное разъяснение по поводу того, куда же будут развиваться в стране эти отношения собственности. Будут ли они двигаться к полюсу большей социальной справедливости или по-прежнему вызывать то раздражение, которое они сегодня вызывают в обществе? Это первый очаг.

Второй очаг социальной напряженности, на наш взгляд, это – отношения, которые сложились в сфере социальной структуры. Имеет-

ся в виду оценка граждан своего места в обществе и те условия, которые складываются вокруг их положения в обществе. У нас 50% граждан относят себя к среднему классу. В то же время 25% в самооценке денежных доходов и расходов показывают, что живут на уровне нищеты, а приблизительно 35% говорят о том, что постоянно испытывают материальные трудности.

Третий большой очаг – отношения между обществом и государством. Проблема обостряется тем, что все большее и большее количество граждан считают, что государство и та система политических отношений, которая создана, в основном защищает интересы богатых и интересы государственной бюрократии. По нашим индикаторам, приблизительно 50% граждан считают, что у нас государство в основном защищает интересы богатых и чуть больше 50% считают, что оно отражает интересы государственной бюрократии.

Сулимова Т.С., профессор кафедры труда и социальной политики и кафедры социологии РАГС, доктор политических наук

Действительно, результаты исследования интересны и, самое главное, они будоражат мысль и приводят к определенным выводам – научным и практическим.

Но я хотела бы возразить коллегами по поводу произошедших изменений. Возникает вопрос: что это за изменения? Это действительно какое-то улучшение ситуации или население адаптировалось к тому положению вещей, которое сложилось?

Почему возникают такие мысли? Они связаны с тем, что практически люди не изменяют обстоятельства, а приспосабливаются к ним. Это было отмечено и в первом выступлении. Люди не выходят на митинги, не пытаются активно участвовать в избирательной кампании, обращаться к депутатам. Нет, сегодня возникли совершенно другие формы протеста, которые связаны с теми демократическими изменениями (не будем спорить сейчас, есть демократия, нет), но все-таки с теми демократическими возможностями, которые появились в обществе.

В частности, люди уменьшают конкретные сиюминутные действия и реакции, связанные и с принятием закона о монетизации льгот, и, например, с поддержкой водителей автомобилей, которые выступили в защиту, когда несправедливо обвинялся и был осужден водитель Михаила Евдокимова, и т. д. Это в общем-то малые действия, которые связаны не с конкретным изменением ситуации, а с ее коррекцией. Более того, эти действия начинают формироваться, и, по сути дела, мы их рассматриваем, как элементы формирования гражданского общества.

Здесь я хотела бы также обратить внимание на то, что у нас классовая дифференциация в стране привела к тому, что социальные

связи в обществе изменились, по сути дела, они разрушены. И совершенно согласна с мнением, что, помимо классовой дифференциации, у нас еще возникает и определенное поселенческое противостояние.

Если мы посмотрим, кто доволен и кто недоволен, то, если судить по тем результатам исследований, которые нам представлены, можно четко говорить, что довольны благополучные семьи, материально обеспеченные люди, которые могут позволить себе реализовывать в полном объеме социальные потребности. А наиболее неблагополучные, по сути дела, эта цифра все время совпадает с количеством бедных, малообеспеченных – 45 – 50%. Это практически бедное, малообеспеченное население, которое не обладает шансами для улучшения своих жизненных условий.

Конечно, социальная напряженность – это комплексный, очень серьезный показатель, который можно много исследовать и анализировать. Однако в том, что социальная напряженность приведет к конфликту, я, например, не полностью уверена. Только сама социальная напряженность к конфликту не приведет. Необходимы дополнительные внешние составляющие.

Попов В.Д., заведующий кафедрой информационной политики РАГС, доктор философских наук, профессор

Мне приятно здесь видеть, что социальная напряженность коррелируется с самым, пожалуй, главным критерием – социальной справедливостью. Это очень правильно, это задает рамки. Но, тем не менее, в данном случае я обращаюсь к докладчикам и руководителю. Мне всегда хочется иметь операциональный анализ – что такое в данном случае социальная справедливость?

Отличается ли социальная справедливость, если она, по моим исследованиям, имеет ментальную основу, она заложена и в Коране, и в Библии. По этим критериям мир разделился на глобалистов, антиглобалистов и т. д. Тут надо видеть общее и особенное. Если сравнивать восточных и западных немцев, у них разные представления о социальной справедливости или нет? Или если Германию и нас сравнивать, мы, наверное, разные. Если говорить о социальной справедливости как архетипическом принципе, о глубинном принципе, то, очевидно, он имеет различия, то есть у социальной справедливости есть и глубинные, и поверхностные показатели. Можно замерять только поверхностные и не видеть глубинные, можно видеть только экономическую составляющую социальной справедливости и не видеть духовную, моральную и т. д.

Если накладывать на нашу русскую историю, наши традиции и фундаментальные ценности, то даже здесь разница между богаты-

ми и бедными значит меньше, чем такие социальные и духовные вещи, как, скажем, образование.

И еще. Если идти по историческим критериям, то у нас социальная справедливость приобретает социальную напряженность по линии «власть – народ». Власть защищает народ или не защищает? Отделилась она от народа или не отделилась? Если сегодня рейтинг доверия правительства всего 30%, встает вопрос о критерии – а во что он выйдет, а куда он выльется? Вы заметьте, социальные различия, кажется, 74%, как раз схватывают то, что более присуще на уровне самоидентификации, т. е. социального самочувствия и прочих критериев в оценке и социальной напряженности, да и социальной справедливости.

Мне кажется, социальную справедливость, хотя бы в первом приближении, следует рассматривать как синтез экономических, материальных, социальных, духовных и моральных, нравственных показателей, а не просто материальных.

Бабич А.М., профессор кафедры труда и социальной политики, доктор экономических наук

Вы знаете, я – экономист и хотел бы сегодняшнюю тему рассмотреть с позиции экономико-математической, но в большей степени с экономической позиции. Мне очень понравился представленный материал, интересный, объемный, над которым надо очень серьезно работать и размышлять.

Я сторонник высокомотивационного механизма – рыночного, прежде всего рыночного. Но есть сферы деятельности, и все опять-таки прекрасно знают, где рынок недееспособен. Существуют элементы провала рынка, здесь нельзя на 100% образование, здравоохранение, физическую культуру и культуру перевести на рыночные рельсы. Здесь существует механизм, которым нельзя эквивалентно решить все социальные проблемы.

Говоря о социальной справедливости, надо иметь в виду принципы социальной политики, в осуществлении которой за последние годы выкристаллизовались в два основных принципа. Это принцип эквивалентный, т. е. я отвечаю за себя и свою семью и все, он высочайшей мотивации.

И вот от индивидуального принципа вектор поворачивается к солидарному принципу, когда роль государства возрастает и, соответственно, государство должно управлять этими процессами, чтобы все слои населения – и беднейшие, и общество двух третей, и богатые – были обеспечены.

Митрошенков О.А., доктор философских наук, профессор

Я хотел бы сказать о контексте социальной напряженности современной России.

Во-первых, сохраняется дезинтегрированность общества и власти. Это можно называть отчуждением. К тому же в современной реальности переплетаются старое, новое, многие архетипы, коды национальной психологии. В то же время трансформации ведут к тому, что эта дезинтегрированность остается. Поскольку у нас гражданского общества или нет, или почти нет, поскольку у нас отсутствуют сетевые структуры, то все это компенсируется тем, что конструируются всякие сообщества. Отсутствие гражданского общества или его неразвитость компенсируется всякими неформальными, теневыми практиками, кулуарными центрами, которые вырабатывают решения. Поскольку эти процессы очень закрытые, процедуры принятия решений довольно непроницаемы. Это все остается фоном и контекстом не только для коррумпированности власти, но и для ее криминализации.

Во-вторых, современное общество не хочет каких-либо потрясений, потому что люди не хотят терять то, что есть. Государственная машина достаточно неповоротливая, и поворачивать здесь очень резко, видимо, опасно, да и трудно. Кроме того, население все больше полагается на себя, это тоже видно из результатов исследований. Видимо, силен инстинкт самовыживания народа, потому что ему приходилось все время заниматься самовыживанием в этой жизни. Отсюда усиливается здоровый консерватизм и центризм общества, стремление избегать всяких крайностей, хотя, конечно, это не всегда удается.

В-третьих, если мы посмотрим на результаты исследования, то увидим, что люди сегодня связывают свой авторитет и престиж не с трудом и личными усилиями, а с материальным положением, деньгами, властью и т. д. В этих условиях возможный путь снижения социальной напряженности – институциональные изменения в сфере трудовых отношений.

Степанов Е.И., заведующий конфликтологическим центром Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор

Я представляю Центр конфликтологии при Отделении общественных наук Международной ассоциации конфликтологов и журнал «Конфликтология».

Времени мало, поэтому я хотел бы поставить только принципиальные вопросы, но никак не расшифровку их и тем более распространенное обоснование.

Поскольку заявлена тема «Социальная напряженность», я хотел бы прежде всего оценить инструментарий, который заложен в исследовании, предъявленном нам. Проблему социальной напряженности я понял как основную проблему, которую предстоит здесь обсуждать. Но мне кажется, что критерии фиксации социальной напряженности здесь обсуждались недостаточно. Социальная напряженность, с точки зрения конфликтологического подхода, достаточно хорошо известна в научной литературе. Здесь, к сожалению, это выражено не полно. Мне кажется, под конфликтологическим углом зрения над этим инструментарием следует поработать.

Думается, здесь стоило бы пересечься нам в практическом плане. Можно показать наши исследования, причем не только в общесоциальном, но и в региональном аспекте, потому что последние три года мы ведем исследования по региональной конфликтологии. Наша задача – наладить мониторинг и менеджмент региональных конфликтов, и там, конечно, этот инструментарий обязательно присутствует. Я бы хотел предложить в этом плане сотрудничество.

Мне кажется, сегодня основная социальная напряженность связана с взаимоотношениями государства или власти и гражданского общества. Именно граждане, индивиды и какие-то группы и организации недовольны тем, как относится к ним власть, к их предложениям, как учитываются эти интересы и т. д. Отчасти это звучало здесь, но требует более серьезного и развернутого коллективного анализа.